

УДК 342.8

DOI: 10.12737/jrl.2022.093

Развитие дистанционного электронного голосования в России: конституционно-правовой аспект

Александр Алексеевич Ларичев¹, Валерий Александрович Ржановский²

¹Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия, alarichev@hse.ru, <http://orcid.org/0000-0002-6452-6787>

²Адвокатская палата г. Москвы, Москва, Россия, v.rzhanovskii@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7430-913X>

Аннотация. В статье рассматриваются основные нормативные положения в сфере дистанционного электронного голосования. Теоретического осмысления требуют законодательные новеллы, касающиеся порядка проведения дистанционного электронного голосования, его информационных систем и других институтов. Специфической характеристикой дистанционного электронного голосования является наличие цифровой среды при голосовании избирателя. Это касается формирования списков избирателей, процесса голосования и подведения итогов. Дистанционное электронное голосование, в отличие от голосования в помещении, проходит с использованием специального программного обеспечения без использования бумажного бюллетеня. В связи с этим процесс дистанционного электронного голосования скрыт от обычного человеческого восприятия, актуализируя проблемы обеспечения тайны голосования, невмешательства в выборы и объективного определения результатов волеизъявления. Будучи одной из форм голосования, дистанционное электронное голосование должно соответствовать основным принципам проведения выборов.

Как полагают авторы, опыт проведения дистанционного электронного голосования в России создает условия для развития правового регулирования в данной области, однако техническое развитие дистанционного электронного голосования его опережает. В законодательстве на сегодняшний день закреплены только базовые аспекты, касающиеся проведения дистанционного электронного голосования, в то время как детали его организации и проведения устанавливаются на подзаконном уровне. Проанализированы основные правовые акты, регулирующие дистанционное электронное голосование, а также вопросы реализации в действующем правовом регулировании конституционных принципов проведения выборов применительно к дистанционному электронному голосованию; указана необходимость оптимизации соответствующих положений.

Ключевые слова: дистанционное электронное голосование, правовое регулирование, конституционные принципы проведения выборов, право, голосование, техническое развитие

Для цитирования. Ларичев А. А., Ржановский В. А. Развитие дистанционного электронного голосования в России: конституционно-правовой аспект // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 9. С. 35—52. DOI: 10.12737/jrl.2022.093

Development of Remote Electronic Voting in Russia: Constitutional and Legal Aspect

Aleksandr A. Larichev¹, Valeriy A. Rzhanovskiy²

¹National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russia, alexander.larichev@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0002-6452-6787>

²Moscow Bar Association, Moscow, Russia, v.rzhanovskii@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7430-913X>

Abstract. The article discusses the main regulatory provisions in the field of Remote electronic voting (further — the Remote e-Voting). The legislative changes regarding the procedure for Remote e-Voting, information systems and other Remote e-Voting institutions should be theoretically conceptualized. A specific characteristic of Remote e-Voting is a digital environment during voting. This concerns the drawing up of voter registers, the voting process and the tabulation of results. Special software is used during Remote e-Voting without using a paper ballot, unlike voting at a polling place. Therefore, the Remote e-Voting process is unavailable for ordinary human perception. Thus, the problems of ensuring the secrecy of voting, non-interference in elections and objective tabulation of results become more relevant. Remote e-Voting is one of forms of voting. It must comply with the basic principles of elections.

The experience of Remote e-Voting in Russia creates conditions for the development of legal regulation. However, the technical development of the Remote e-Voting is ahead of the legal regulation in this area. The law contains only basic provisions related to Remote e-Voting. The procedure for Remote e-Voting is determined on sub-legislative level. The authors analyze the main legal acts regulating Remote e-Voting, as well as the implementation of constitutional principles of elections regarding the Remote e-Voting in contemporary legal regulation, as well as point on the need for the enhancement of respective norms.

Keywords: remote electronic voting, legal regulation, constitutional principles of elections, law, voting, technical development

For citation: Larichev A. A., Rzhanovskiy V. A. Development of Remote Electronic Voting in Russia: Constitutional and Legal Aspect. *Journal of Russian Law*, 2022, vol. 26, no. 9, pp. 35—52. (In Russ.) DOI: 10.12737/jrl.2022.093

Введение. Увеличение роли информационных технологий в жизни общества стало естественным результатом научно-технического прогресса. В частности, развитие цифрового пространства оказало влияние на правовые основы выборов. Внедрение дистанционного электронного голосования (далее — ДЭГ) существенным образом дополнило существующие формы волеизъявления избирателей.

Как и любой институт в системе выборов, ДЭГ должно соответствовать базовым правовым принципам демократического и правового государства, а также фундаментальным правовым началам выборов.

Конституция РФ определяет Россию как демократическое правовое государство. Высшим непосредственным выражением власти народа являются референдум и свободные выборы. Граждане Российской Федерации наделены правом участвовать в делах государства.

Гарантии всеобщего, равного, прямого и тайного голосования обеспечивают реализацию активного избирательного права. Избирательные права являются частью конституци-

онно-правового статуса гражданина, а избирательный процесс — способом легитимации выборных органов государственной власти путем непосредственного волеизъявления народа. Подлинные свободные выборы являются признаком демократического правового государства с республиканской формой правления.

Любые новые формы голосования должны соответствовать конституционным основам справедливых, честных и открытых выборов, не допускать умаления избирательных прав граждан, а также отражать результат народного волеизъявления.

Это касается и такой новой формы волеизъявления, как дистанционное электронное голосование. По своей природе ДЭГ является разновидностью электронного голосования¹. Первоначально ДЭГ было применено в качестве опроса избирателей в 2008 г. в г. Новомосковске Тульской области и не имело обя-

¹ См.: Павлушкин А. В., Постников А. Е. Правовой механизм дистанционного электронного голосования (анализ возможной модели) // Журнал российского права. 2009. № 11. С. 8.

зательной силы. В 2019 г. ДЭГ получило закрепление на законодательном уровне и применялось на выборах в Московскую городскую Думу. В ходе Общероссийского голосования по поправкам в Конституции России в 2020 г. ДЭГ использовалось в Москве и Нижегородской области. В 2021 г. количество субъектов РФ, в которых применялось ДЭГ, расширилось до семи (Курская, Мурманская, Нижегородская, Ростовская и Ярославская области, города федерального значения Москва и Севастополь): ДЭГ осуществлялось на федеральных, региональных и муниципальных выборах.

Конституция РФ не содержит норм о дистанционном электронном голосовании. Однако созревшая общественная необходимость придать конституционную значимость отдельным ценностям может быть причиной внесения поправок в Конституцию. Основные положения, закрепленные на высшем правовом уровне, отражают состояние общества и определяют вектор его движения. Указанные обстоятельства имеют особое значение, учитывая сложность процессов глобализации, мировой информационной повестки и меняющихся нравственных ориентиров. Следует учитывать, что последствиями цифровой глобализации может стать совпадение по смыслу понятий «цифровая безопасность» и «национальная безопасность»².

Так, в результате принятых поправок в Конституцию в 2020 г. ст. 67 и 71 были дополнены положениями об организации публичной власти, что является отражением концепции единой системы органов государственной власти и местного самоуправления. Институциональные изменения механизма власти, источником которой является много-

национальный народ России, могут вести и к изменениям механизмов ее формирования, включая закрепление в Основном законе страны новых форматов народовласти.

Не исключено, что в будущем с признанием информационных технологий в качестве одного из основных общественных институтов возможно закрепление их отдельных элементов на конституционном уровне. Например, одними из возможных положений могут стать нормы о гарантиях безопасности человека при использовании искусственного интеллекта или неизменности волеизъявления человека при использовании электронных устройств.

Однако внесение изменений в Основной закон должно быть осторожным: конституционные нормы не должны быть ситуативными и направленными на решение конкретных технических задач. Нормы конституционного права регулируют наиболее устоявшиеся и сформировавшиеся общественные отношения. Диспозиция конституционной нормы отражает существо самых важных ценностей в обществе, что обуславливает абстрактность норм³. Поэтому использование конституционных норм в угоду точечному решению отдельных возникающих проблем, которые могут быть решены с использованием, например, подзаконных актов, противоречит правовой природе конституционной нормы.

Таким образом, на сегодняшний момент, говоря о конституционно-правовом регулировании ДЭГ, мы прежде всего имеем в виду текущие базовые конституционные принципы, определяющие формы народовласти и волеизъявления граждан, раскрывающиеся, в свою оче-

² См.: Овчинников А. И. Безопасность личности и государства в цифровую эпоху: политико-правовой аспект // Журнал российского права. 2020. № 6. С. 6.

³ См.: Таева Н. Е. Институционализация норм конституционного права в динамике предмета правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 3. С. 17—25.

редь, в положениях связанного текущего законодательства.

Цифровизация избирательных правоотношений в рамках законодательного регулирования. В Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017—2030 гг.⁴ отмечено, что электронные средства массовой информации, информационные системы, социальные сети, доступ к которым осуществляется с использованием сети Интернет, стали частью повседневной жизни россиян. При этом темпы развития технологий, создания, обработки и распространения информации значительно превышают возможности большинства людей в освоении и применении знаний.

В условиях активного внедрения цифровых технологий в избирательный процесс в России еще не сформированы устойчивые правовые механизмы. Поэтому баланс интересов государства, общества и личности нуждается в обеспечении соответствующими правовыми гарантиями⁵.

Научным сообществом выдвигаются конкретные предложения по цифровизации некоторых избирательных процессов, в том числе проверки подписей избирателей в поддержку выдвижения кандидатов, принятия решений о регистрации кандидатов, включения избирателей в списки избирателей, фиксации и составления протоколов об административных правонарушениях⁶.

Излишняя цифровизация процессов жизнедеятельности, по справед-

ливому замечанию Д. А. Реута, ведет к качественному уменьшению уровня социальных взаимоотношений. Исключение человека из механизма принятия решений приведет к еще большим негативным последствиям. Поэтому электронные процессы в сфере выборов должны не заменять решения человека, а создавать технические условия для принятия таких решений и доведения их по каналам связи до остальных лиц⁷.

Использование информационных компьютерных технологий при взаимодействии с институтами непосредственной демократии должно быть направлено на повышение достоверности учета волеизъявления избирателей с сохранением иных конституционных гарантий⁸.

Содержание ДЭГ не ограничивается только технологиями, компьютерными системами и программным обеспечением. В его основу входят и правовое регулирование, и меры организационного характера⁹. Устойчивые правовые институты в сфере выборов устанавливают критерии для реализации всеобщего, равного, свободного, недискриминационного и открытого избирательного процесса.

Комитетом министров Совета Европы в 2017 г. были предложены Рекомендации по стандартам электронного голосования¹⁰. В частности, к мерам организационного и право-

⁴ Утв. Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203.

⁵ См.: *Постников А. Е.* Конституционная модель политической системы России в условиях развития «цифрового общества» // *Журнал российского права.* 2020. № 5. С. 40.

⁶ См.: *Головин А. Г., Головина А. А.* Язык и стиль избирательного законодательства в современную информационную эпоху: горизонты развития // *Гражданин. Выборы. Власть.* 2019. № 3. С. 48.

⁷ См.: *Реут Д. А.* Информационное общество и право на власть // *Гражданин. Выборы. Власть.* 2019. № 2. С. 26—27.

⁸ См.: *Григорьев А. В.* Реализация конституционного права граждан на управление делами государства в условиях цифровизации // *Журнал российского права.* 2020. № 2. С. 50.

⁹ См.: *Антонов Я. В.* Правовые аспекты электронной демократии и электронного голосования // *Управленческое консультирование.* 2014. № 6. С. 137.

¹⁰ См.: Recommendation CM/Rec(2017)51 of the Committee of Ministers to member States on standards for e-voting. URL: <http://>

вого характера относятся положения, закрепляющие, что:

государства, которые внедряют электронное голосование, должны делать это постепенно и последовательно;

перед внедрением электронного голосования государства вносят необходимые изменения в законодательство;

законодательство обеспечивает регулирование систем ДЭГ и гарантирует, что избирательные комиссии осуществляют контроль за системами ДЭГ;

любой наблюдатель может наблюдать за процессом подсчета голосов. Избирательная комиссия несет ответственность за процесс подсчета голосов.

Правовые нормы, регулирующие ДЭГ, неоднократно становились предметом анализа ученых¹¹. Между тем систематическое внесение изменений в законодательство о ДЭГ требует его постоянного теоретического осмысления.

Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (далее — Федеральный закон № 67-ФЗ) является основой правового регулирования выборов в России. При этом до недавнего времени Закон содержал минимум положений о ДЭГ.

Первоначально указанным Законом закреплялись понятие дистанционного электронного голосования, полномочия Центральной избирательной комиссии Российской Федерации (далее — ЦИК РФ) по определению случаев, когда применяется ДЭГ, а также полномочие ЦИК РФ по формированию территориальных избирательных комис-

сий (далее — ТИК) по обеспечению проведения ДЭГ. Положения Закона имели рамочный характер и нуждались в конкретизации, что выразилось в подзаконном урегулировании соответствующих отношений¹².

По мнению некоторых исследователей подобный подход законодателя был обусловлен необходимостью сбора эмпирической информации в целях совершенствования правовой базы и технологий¹³.

Федеральным законом от 14 марта 2022 г. № 60-ФЗ в Федеральный закон № 67-ФЗ внесен ряд существенных новелл относительно порядка регулирования ДЭГ. На законодательном уровне предусмотрена возможность составления электронного списка избирателей на федеральных выборах в порядке и сроки, установленные ЦИК РФ, а избирательные комиссии субъектов РФ определяют порядок и сроки составления электронного списка избирателей для иных выборов и референдумов, т. е. региональных и муниципальных.

На уполномоченные избирательные комиссии возложена обязанность определять сроки проведения дистанционного электронного голосования, государственные информационные системы, используемые для проведения ДЭГ, а также условия, при которых избиратель, участник референдума вправе принять участие в дистанционном электронном голосовании.

В своем праве определять проведение ДЭГ на региональных и местных выборах региональные избирательные комиссии были несколько ограничены. Решение о проведении ДЭГ на выборах в органы госу-

rm.coe.int/0900001680726f6f (дата обращения: 14.04.2022).

¹¹ См.: Лейба А. А. Правовое регулирование дистанционного электронного голосования в РФ // Гражданин и право. 2021. № 1. С. 16—25.

¹² См.: Абрамова А. И. Подзаконное правоительство в современном понимании: реалии и перспективы // Журнал российского права. 2019. № 8. С. 30—31.

¹³ См.: Борисов И. Б., Игнатов А. В. Методические рекомендации по электронному голосованию и наблюдению за ним. М., 2020. С. 7.

дарственной власти субъекта РФ избирательные комиссии субъектов РФ принимают по согласованию с ЦИК РФ. Пунктом 5 ст. 64¹ Федерального закона № 67-ФЗ определено исключение из этого правила: в случае принятия решения о проведении дистанционного электронного голосования с использованием региональной государственной информационной системы, которая ранее применялась на выборах в федеральные органы государственной власти и (или) референдуме Российской Федерации, согласование не требуется, при этом избирательная комиссия соответствующего субъекта РФ информирует о принятом решении ЦИК РФ.

Отметим, что уже в 2019 г. в Москве была разработана собственная региональная информационная система, которая была применена на выборах депутатов Московской городской Думы. Остальные субъекты при проведении ДЭГ в 2020—2021 гг. использовали федеральную информационную систему.

Соответственно, пока только Мосгоризбирком наделен правом определять применение ДЭГ на региональных и муниципальных выборах в Москве без согласования с ЦИК РФ.

Статьей 64¹ Федерального закона № 67-ФЗ предусмотрена возможность использования на выборах в федеральные органы государственной власти для проведения ДЭГ федеральных и региональных государственных информационных систем. На иных выборах для проведения дистанционного электронного голосования могут использоваться федеральные и (или) региональные государственные информационные системы. Порядок ДЭГ на региональных и местных выборах при использовании региональной информационной системы утверждает соответствующая избирательная комиссия субъекта РФ. В случае использования на указанных выборах федеральной информационной

системы порядок ДЭГ утверждает ЦИК РФ. Возможность использования на федеральных выборах региональных информационных систем свидетельствует об усилении роли регионов, в частности Москвы, в сфере организации и применения электронного голосования.

Одним из важнейших нормативных закреплений на уровне федерального закона стало признание ГАС «Выборы», а также иных государственных информационных систем в качестве элементов ДЭГ. При этом данные информационные системы должны пройти сертификацию и соответствовать требованиям к проведению дистанционного электронного голосования, установленным ЦИК РФ.

В этих условиях возникает вопрос о целесообразности использования двух информационных систем — федеральной и региональной — при проведении ДЭГ. Этот вопрос, который находится не только в рамках правового поля, может вести к усложнению порядка организации голосования, возможным сбоям в ходе избирательного процесса, обусловленным техническим несогласованием федеральной и региональной систем.

Использование федеральной системы при проведении ДЭГ на всей территории России в течение нескольких лет создало бы устойчивый правовой и технический фундамент данной системы, опыт функционирования которой можно распространить при внедрении региональных систем. В связи с этим можно предложить использовать при проведении ДЭГ только федеральную информационную систему до 2026 г., для чего необходимо внести соответствующие изменения в Федеральный закон № 67-ФЗ.

Последовательное и открытое установление требований к технической стороне ДЭГ в целом может стать ключом к преодолению критики, которой подвергается ДЭГ, отнюдь не отсутствию обеспечения

открытости голосования с использованием ДЭГ, возможности вмешательства в процесс голосования и подсчет голосов, а также нарушение принципа тайного голосования.

Содержание принимаемых нормативно-правовых норм должно быть исчерпывающе понятно не только правоприменителям и специалистам в сфере выборов, но и обычным гражданам. Избирательное законодательство отличается громоздкостью конструкций, сложным языком и стилем изложения, поэтому наличие четких, ясных и кратких положений закона обеспечит понимание буквы закона значительно большим количеством избирателей¹⁴. Данная проблема имеет отношение не только к нормативно-правовому регулированию ДЭГ, но к выборам в целом.

Учитывая, что технические требования к информационным системам проведения ДЭГ разрабатываются и будут совершенствоваться, необходимо в п. 6 ст. 64¹ Федерального закона № 67-ФЗ закрепить положение об обязательности обсуждения с экспертным сообществом, Общественной палатой и другими некоммерческими (профильными) организациями процедуры установления требований для сертификации информационных систем, порядка ее прохождения, а равно требований к проведению ДЭГ. Несмотря на то что указанные вопросы в большей степени относятся к уровню подзаконного регулирования ЦИК РФ, Минцифры России и иных государственных органов, закрепление на законодательном уровне открытого взаимодействия государства в виде избирательных комиссий, правительства с обществом по вопросам утверждения технических критериев применения ДЭГ сможет преодолеть барьер недоверия к системе ДЭГ.

Сформированные критерии к информационным системам должны не

только определять их функциональность, но и быть понятными для избирателей и наблюдателей.

Специфика избирательного процесса в контексте применения ДЭГ. Существующий порядок голосования в помещении для голосования позволяет наблюдателям и СМИ непосредственно следить за правильностью осуществления избирательного процесса: порядком получения избирателями бюллетеней, их действительностью, работой членов комиссий со списком избирателей, осуществлением подсчета голосов с возможностью наблюдать за количеством бюллетеней с отметками напротив кандидатов (избирательных объединений) и проч. Непосредственное наблюдение за голосованием соответствует принципам открытости и гласности. Аналогичный подход должен быть закреплен в цифровом поле при использовании ДЭГ. Структура и процесс функционирования информационной системы ДЭГ должны быть понятны наблюдателям так же, как и непосредственное восприятие процесса голосования в помещении для голосования.

Концепция технологической сингулярности определяет достижение человечеством такого уровня научно-технического развития, когда он перестает быть понятным для отдельного индивида¹⁵. В контексте реализации избирательных прав граждан и функционирования институтов непосредственной демократии вышеуказанный эффект должен быть нивелирован.

Тем не менее внедрение электронного голосования требует совершенствования института наблюдения, в том числе значительного повышения профессиональных компетенций у наблюдателей¹⁶.

¹⁵ См.: Васильева Л. Н., Григорьев А. В. Цифровизация общества и перспективы конституционного развития // Журнал российского права. 2020. № 10. С. 45.

¹⁶ См.: Лопатин А. И. Цифровизация избирательных действий и процедур в Рос-

¹⁴ См.: Головин А. Г., Головина А. А. Указ. соч. С. 52.

Механизм работы ДЭГ должен быть открыт для проверки на всех стадиях избирательного процесса, начиная от составления и уточнения электронных списков избирателей и заканчивая подведением итогов электронного голосования.

При этом практическая значимость органов общественного контроля при проведении ДЭГ должна быть релевантной эффективности наблюдения в помещении для голосования. Полномочия наблюдателей, предусматривающие только получение экранных копий документов избирательных комиссий, не могут обеспечивать открытость голосования и достоверность его результатов¹⁷.

Требования к информационным системам ДЭГ должны обеспечивать их защищенность от искажения волеизъявления избирателей с сохранением тайны волеизъявления, а также открытость для наблюдения за функционированием информационных систем. Кроме того, требования к информационным системам ДЭГ должны гарантировать равенство избирателей и доступность информационных систем в использовании избирателями. Поэтому конституционно значимым является принятие и публичное обнародование не только правовых актов о требованиях к информационным системам ДЭГ, но и правовых актов о требованиях ко всему аппаратно-техническому комплексу, используемому при проведении ДЭГ.

Есть мнение, что решение проблемы открытости для наблюдения и защищенности от искажения волеизъявления избирателей практически невозможно, поскольку они являются двумя взаимоисключающими явлениями. Невозможно

сии: вопросы права // Журнал российского права. 2022. № 5. С. 43—55.

¹⁷ См.: *Филатова А. О.* Обеспечение реализации принципов гласности и открытости в условиях перехода на всеобщее электронное голосование // Образование и право. 2021. № 5. С. 215—220.

полностью «раскрыть все карты» и добиться отсутствия стороннего вмешательства в механизм ДЭГ. Нередко именно за счет того, что некоторые процессы остаются нераскрытыми, вмешательства не происходит, так как у субъекта, пытающегося взломать систему, отсутствует понимание, через какую «дверь» можно в нее войти. По мнению некоторых авторов, потенциальная уязвимость информационных систем ДЭГ связана с использованием сети Интернет¹⁸.

Как уже отмечалось, составление бумажного списка избирателей, появление избирателя в помещении для голосования, предъявление избирателем паспорта, процедура получения и опускания в ящик для голосования бумажного избирательного бюллетеня в помещении для голосования, подсчет избирателей доступны для непосредственного наблюдения. Избиратель, избирательные комиссии, список избирателей, избирательный бюллетень, процессы получения и опускания избирательного бюллетеня в ящик для голосования находятся в объективной реальности.

При использовании системы ДЭГ в реальности находятся только избиратель, избирательные комиссии, материальные носители информационных систем, которые обеспечивают проведение ДЭГ, а также консультанты, обеспечивающие их функционирование. Все остальные элементы: список избирателей, учетная запись избирателя, избирательный бюллетень, «перемещение» избирательного бюллетеня, установление итогов ДЭГ, находятся в цифровой реальности и недоступны обычному человеческому восприятию.

На наличие нерешенных вопросов виртуальной реальности в ДЭГ основанно указывает ученый-юрист, член ЦИК РФ Е. И. Колюшин. Ав-

---

¹⁸ См.: *Борисов И. Б., Головин А. Г., Игнатов А. В.* Выборы в мире: электронное голосование. М., 2020. С. 160.

тор задается вопросом об обеспечении идентичности цифровой копии избирателя и самого избирателя, поскольку в ДЭГ участвует не сам избиратель, а его цифровая копия. В связи с этим Е. И. Колюшин определяет информационно-телекоммуникационную сеть Интернет и программное обеспечение для ДЭГ в качестве посредника между избирателем и актом голосования. Кроме того, автор указывает на отсутствие закрепления правового статуса программистов¹⁹. Отметим, что его рекомендация о наделении юридическим статусом технических сотрудников в контексте применения ДЭГ является вполне обоснованной, поскольку именно от технических специалистов зависят стабильность и защищенность системы ДЭГ и, как следствие, справедливость и честность итогов голосования.

Пунктом 31 Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017—2030 гг. (далее — Стратегия) определены направления по защите данных в Российской Федерации, которые должны учитываться при развитии системы ДЭГ:

совершенствование нормативно-правового регулирования в сфере обеспечения безопасной обработки информации (включая ее поиск, сбор, анализ, использование, сохранение и распространение) и применения новых технологий, уровень которого должен соответствовать развитию этих технологий и интересам общества;

обеспечение баланса между своевременным внедрением современных технологий обработки данных и защитой прав граждан, включая право на личную и семейную тайну; упорядочение алгоритмов обработки данных и доступа к таким данным;

---

¹⁹ См.: Колюшин Е. И. Правовые проблемы дистанционного электронного голосования избирателей // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 2. С. 25—30.

обеспечение государственного регулирования и координации действий при создании и ведении информационных ресурсов в Российской Федерации в целях соблюдения принципа разумной достаточности при обработке данных.

Согласимся с мнением С. Г. Гонтаря, что развитие ДЭГ соответствует целям и приоритетам Стратегии²⁰.

Механизмы ДЭГ создали новые возможности реализации активного избирательного права²¹.

С этапа внедрения дистанционного электронного голосования в практику проведения выборов избирательные комиссии были наделены широкими полномочиями по правовому регулированию ДЭГ. В ходе эксперимента по организации и осуществлению ДЭГ на выборах депутатов Московской городской Думы седьмого созыва в 2019 г. Московская городская избирательная комиссия (далее — МГИК) была наделена полномочиями по определению округа, в котором должно было проводиться ДЭГ, и уполномоченной ГИК, по установлению требований к специальному программному обеспечению регионального портала государственных и муниципальных услуг, по определению требований к оборудованию помещения для размещения УИК по ДЭГ²².

В 2020—2021 гг. в ходе продолжения эксперимента по проведению

---

²⁰ См.: Гонтарь С. Г. Электронное голосование — новая возможность участия граждан в формировании органов власти // Государственная власть и местное самоуправление. 2019. № 4. С. 29—33.

²¹ См.: Турищева Н. Ю. Активное избирательное право: развитие форм реализации // Журнал российского права. 2021. № 6. С. 37—47.

²² См. Федеральный закон от 29 мая 2019 г. № 103-ФЗ «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования на выборах депутатов Московской городской Думы седьмого созыва».

дистанционного электронного голосования МГИК кроме вышеуказанных полномочий была вправе устанавливать по согласованию с ЦИК РФ дополнительные способы подтверждения личности избирателя, а также имела дополнительные возможности обеспечения гласности при организации, осуществлении и установлении итогов ДЭГ²³.

Опыт ДЭГ при проведении Общероссийского голосования по вопросу одобрения изменений в Конституцию Российской Федерации позитивно отразился на последующем правовом регулировании ДЭГ. В частности, в постановлении ЦИК РФ от 4 июня 2020 г. № 251/1850-7 был предусмотрен раздел «Голосование участника голосования, включенного в список участников ДЭГ, на участке по месту жительства». Данный раздел содержал возможность для участника голосования, исключенного из списка ДЭГ, прийти на избирательный участок по месту жительства в день голосования и получить избирательный бюллетень при условии, что он не получил электронный бюллетень. Избиратель должен был подать соответствующее заявление о том, что он не проголосовал посредством дистанционного электронного голосования и не получал бюллетень для голосования на ином участке для голосования. На участковую комиссию была возложена обязанность проверить факт того, что избиратель не получал доступ к электронному бюллетеню²⁴.

Вместе с тем данный порядок создавал возможности для злоупотребления недобросовестными избирате-

лями, которые голосовали посредством ДЭГ, а затем вводили в заблуждение членов УИК, получая бумажный избирательный бюллетень. На участковые комиссии, как представляется, были возложены чрезмерные обязанности по проверке в день голосования факта получения избирателями электронного бюллетеня.

Постановлением ЦИК РФ от 27 июля 2020 г. № 261/1924-7 данная проблема была решена, поскольку гражданин, исключенный из списка избирателей по месту жительства в связи с подачей заявления об участии в ДЭГ, вправе принять участие исключительно в дистанционном электронном голосовании и не вправе получить избирательный бюллетень на избирательном участке²⁵.

Отсутствие конкретных правил «цифровых» избирательных процедур, закрепленных на уровне международных договоров, предоставляет большие возможности для субъектов правотворчества создавать собственные модели организации выборов в государстве²⁶.

Широкие полномочия избирательных комиссий по регулированию ДЭГ, видимо, будут сохраняться до тех пор, пока в России фактически не закончится экспериментальный этап проведения ДЭГ и не будут сформулированы устойчивые законодательные положения, регулирующие ДЭГ.

Регулирование процедуры выборов исключительно актами избирательных комиссий, содержание которых меняется каждый электораль-

²³ См. Федеральный закон от 23 мая 2020 г. № 152-ФЗ «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования в городе федерального значения Москве».

²⁴ См. постановление ЦИК РФ от 4 июня 2020 г. № 251/1850-7 «О Порядке дистанционного электронного голосования при проведении общероссийского голосования по вопросу одобрения изменений в Конституцию Российской Федерации».

²⁵ См. постановление ЦИК России от 27 июля 2020 г. № 261/1924-7 «О проведении дистанционного электронного голосования на дополнительных выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации седьмого созыва по одномандатным избирательным округам 13 сентября 2020 года».

²⁶ См.: Борисов И. Б. Конец доцифровой эпохи политических процессов // Гражданин. Выборы. Власть. 2021. № 1. С. 132.

ный цикл, создает неопределенность в правовом статусе участников выборов: кандидатов, избирательных объединений и наблюдателей. По справедливому замечанию А. Е. Постникова, принятие уполномоченной избирательной комиссией нормативных актов по технологически сложным вопросам в период избирательной кампании может привести к невозможности реализации прав участниками выборов²⁷.

В настоящий момент в силу Федерального закона № 67-ФЗ порядок ДЭГ, утверждаемый ЦИК РФ или избирательной комиссией субъекта РФ (в соответствующих случаях), должен содержать:

порядок и сроки подачи заявления об участии в дистанционном электронном голосовании и его отзыва, составления и использования списка участников дистанционного электронного голосования либо условия участия в дистанционном электронном голосовании без подачи такого заявления и порядок составления и использования списка принявших участие в дистанционном электронном голосовании;

порядок аутентификации и идентификации избирателя, участника референдума для участия в дистанционном электронном голосовании, предусматривающий проверку данных избирателя, участника референдума и их сопоставление с данными регистра избирателей, участников референдума;

порядок участия в дистанционном электронном голосовании избирателя, участника референдума;

порядок обеспечения возможности наблюдения при организации, осуществлении дистанционного электронного голосования и установлении его итогов с учетом особенностей такого голосования, а также порядок назначения наблюдателей;

порядок установления итогов дистанционного электронного голосования и их учета при определении результатов выборов, референдума.

В порядке ДЭГ необходимо предусмотреть возможность получения избирателем бюллетеня в бумажной форме в случае, если по техническим причинам избирателю, участвующему в ДЭГ, не удалось проголосовать. В таком случае в порядке ДЭГ следует предусмотреть, что организующая ДЭГ избирательная комиссия или УИК по ДЭГ рассматривает жалобы избирателей о технических сбоях ДЭГ, об отсутствии возможности проголосовать и решает вопрос о включении избирателя по месту жительства в бумажный список для голосования. Наличие технических неисправностей при проведении ДЭГ не должно умалять активного избирательного права.

Декларирование отдельных процессуальных вопросов участия в ДЭГ без раскрытия сущностных механизмов их функционирования представляется недостаточным, например: для участия в дистанционном электронном голосовании избиратель, участник референдума обращается на специальный портал в сети Интернет, осуществляются процедуры идентификации и анонимизации, происходит получение электронного бюллетеня. Необходимо исчерпывающее понимание внутренних процессов работы информационных систем, чтобы уверенность в объективности процесса ДЭГ была непоколебима.

В статье 64¹ Федерального закона № 67-ФЗ отмечено, что при проведении ДЭГ анонимизированные результаты волеизъявления зашифровываются и сохраняются в зашифрованном виде в цепочке блоков информации в соответствующей базе данных.

Там же закрепляется неизменность сохранения результата волеизъявления избирателя при использовании ДЭГ, соблюдения тайны голосования и невозможно-

²⁷ См.: Постников А. Е. О пределах подзаконного регулирования избирательных прав граждан // Журнал российского права. 2022. № 5. С. 31—42.

сти установления связи между персональными данными избирателя и результатом его волеизъявления.

Указывается на обязательность обеспечения требований защиты содержащейся в государственных информационных системах информации при организации и осуществлении ДЭГ.

Все отмеченные положения нуждаются в подзаконной конкретизации.

Реализация конституционных принципов голосования в правовом регулировании организации и проведения ДЭГ. Ориентирами к построению целостной системы, удовлетворяющей интересы общества, должны стать конституционные принципы проведения выборов: всеобщность, равенство, прямое и тайное голосование, свобода выбора, открытость и публичность (ст. 81 Конституции РФ). По мнению некоторых исследователей, в качестве полноценной альтернативы голосованию с использованием бумажных бюллетеней ДЭГ может считаться только тогда, когда будет обеспечена реализация основных принципов проведения выборов²⁸. Однако реализация этих принципов в отношении ДЭГ является проблематичной. Применение ДЭГ не спровоцировало большого количества судебных разбирательств, связанных с оспариванием результатов голосования. Однако этот показатель не может подтверждать отсутствие правовых рисков в данной процедуре волеизъявления избирателей²⁹.

Относительно принципа всеобщего избирательного права (ст. 60 Конституции РФ, ст. 4 Федерального закона № 67-ФЗ) отметим, что в ДЭГ мо-

жет принять участие избиратель — гражданин Российской Федерации, обладающий активным избирательным правом на выборах в органы государственной власти и органы местного самоуправления, зарегистрированный по месту жительства в избирательном округе, в котором проводится дистанционное электронное голосование, являющийся пользователем специального портала в сети Интернет, определенного в порядке дистанционного электронного голосования. Технологическая часть ДЭГ должна быть разработана таким образом, чтобы у всех избирателей в пределах соответствующего избирательного округа имелась возможность принять участие в ДЭГ. Интерфейс программного обеспечения ДЭГ должен быть понятен для избирателя. Всеобщее избирательное право означает, что каждый человек имеет право избирать и быть избранным в органы государственной власти и органы местного самоуправления, а государство должно определить порядок и условия реализации активного избирательного права³⁰. Любое отступление от принципа всеобщего избирательного права несет риск породить демократическую ответственность законодательной власти³¹.

Очевидно, что необходимость обеспечить доступ в сеть Интернет, отсутствие навыков работы с компьютерами ограничивают круг лиц, кото-

---

³⁰ См. определение КС РФ от 3 июля 2014 г. № 1483-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы И. В. Плешкова на нарушение его конституционных прав положениями подп. «з» п. 6⁴ и подп. «д» п. 24 ст. 38 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации».

³¹ См. постановление КС РФ от 10 октября 2013 г. № 20-П по делу о проверке конституционности подп. «а» п. 3² ст. 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», ч. 1 ст. 10 и ч. 6 ст. 86 УК РФ.

---

²⁸ См.: *Курячая М. М.* Электронное голосование как этап развития непосредственной демократии // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 11. С. 31—35.

²⁹ См.: *Рыбин А. В.* Правовые средства защиты результатов волеизъявления избирателей в условиях пандемии // Журнал российского права. 2022. № 2. С. 152—166.

рые могут принять участие в ДЭГ. Тем не менее участие в ДЭГ не является обязательным. Для включения в список участников ДЭГ необходимо подать заявление о намерении участвовать в ДЭГ. Избиратель, включенный в список участников ДЭГ, исключается из соответствующего списка избирателей (подп. 1 п. 13 ст. 64¹ Федерального закона № 67-ФЗ). Избиратель, не имеющий доступа к сети Интернет и (или) не владеющий навыками работы с необходимым программным обеспечением, имеет право реализовать активное голосование на избирательных участках по месту жительства или месту пребывания, проголосовать досрочно в случаях и порядке, предусмотренных законом, или «на дому» (вне помещения для голосования). ДЭГ является не единственной формой голосования, а дополнительным способом реализации права голоса, предоставляя избирателям дополнительные возможности. В связи с этим пока не имеется существенных оснований утверждать, что применение ДЭГ нарушает принцип всеобщего избирательного права, однако в случае перехода к безальтернативности такой формы голосования соответствующая проблема может возникнуть.

Одинаковые условия при участии в ДЭГ обеспечивает принцип равного избирательного права (ст. 19 Конституции РФ, ст. 5 Федерального закона № 67-ФЗ). Граждане, проживающие в избирательном округе, в котором проводится ДЭГ, обладают равным числом голосов, т. е. одинаково влияют на результат выборов. На законодателя налагается обязанность предусмотреть гарантии справедливого определения результатов голосования³². При проведении ДЭГ не допускается возможность неодно-

кратного голосования: с включением в список участников ДЭГ избиратель исключается из «бумажного» списка избирателей (п. 14 ст. 64¹ Федерального закона № 67-ФЗ). Информирование избирателей об участии в ДЭГ не должно создавать отдельным группам избирателей преимуществ при получении информации об участии в ДЭГ. Информация, касающаяся порядка участия в ДЭГ, должна доводиться равным образом до всех избирателей органами государственной власти, местного самоуправления, избирательными комиссиями, организациями, осуществляющими выпуск средств массовой информации, редакциями сетевых изданий (ст. 45 Федерального закона № 67-ФЗ).

Выбор избирателя при использовании ДЭГ осуществляется с сохранением тайны голосования (ч. 1 ст. 81 Конституции РФ, ст. 7 Федерального закона № 67-ФЗ) «сообразно собственным предпочтениям, не допуская несоразмерных обременений, не создавая непреодолимых препятствий»³³. Соблюдение тайны голосования в системе ДЭГ происходит с использованием специального программного обеспечения и технических средств. Данная процедура в ДЭГ получила название «анонимизация». Результатом анонимизации является невозможность установления связи между избирателем и его выбором при голосовании. При проведении ДЭГ «анонимизированные результаты волеизъявления по мере их формирования незамедлительно зашифровываются и сохраняются в зашифрованном виде в цепочке блоков информации в соответствующей базе данных. Зашифрование резуль-

---

ской области «О муниципальных выборах в Челябинской области».

³² См. постановление КС РФ от 7 июля 2011 г. № 15-П по делу о проверке конституционности положений ч. 3 ст. 23 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и ч. 2 и 3 ст. 9 Закона Челябин-

³³ См. постановление КС РФ от 15 апреля 2014 г. № 11-П по делу о проверке конституционности п. 1 ст. 65 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации».

татов волеизъявления производится с использованием ключа зашифрования. Расшифрование результатов волеизъявления с использованием ключа зашифрования невозможно. После завершения голосования расшифрование результатов волеизъявления производится с использованием ключа расшифрования» (п. 16, 17 ст. 64¹ Федерального закона № 67-ФЗ). Если в цифровой реальности тайна голосования участника ДЭГ обеспечивается специальным программным обеспечением и техническими средствами, то в объективной реальности сохранение тайны голосования возлагается на избирателя — участника ДЭГ.

Принцип свободных выборов (ч. 3 ст. 3 Конституции РФ, ст. 3 Федерального закона № 67-ФЗ) в контексте применения ДЭГ характеризуется в первую очередь тем, что не допускается принуждение к голосованию. Запрещается оказывать давление на избирателя в целях понуждения голосовать за определенную кандидатуру или совершать те или иные юридически значимые действия в рамках избирательных процедур³⁴. Выбор избирателя должен быть свободным и добровольным. Технические особенности функционирования ДЭГ при этом не должны исказить волеизъявление избирателя. Учитывая, что голосование в ДЭГ происходит не в помещении для голосования, существует вероятность, что на избирателя может быть оказано воздействие. Избиратель может проголосовать дистанционно в любом месте, где есть доступ к Интернету и специальному portalу (например, к portalу «Госуслуги») (п. 16 ст. 64¹ Федерального закона № 67-ФЗ). Соответственно, при

определенных обстоятельствах на избирателя может быть оказано давление, чтобы проголосовать определенным образом против его воли. С целью минимизации подобных рисков предлагалось, например, использовать при электронном голосовании стационарную видеокамеру или перед получением избирательного бюллетеня предоставить избирателю проставить отметки, что «волеизъявление осуществляется свободно и добровольно», «никто не оказывает на избирателя давление» и т. п. Тем не менее указанные меры не могут полностью исключить риск воздействия на избирателя.

Традиционно принцип открытых и гласных выборов означает открытое голосование, возможность наблюдения за голосованием, открытый подсчет голосов и установление итогов голосования (п. 5 ст. 3, п. 1 ст. 68 Федерального закона № 67-ФЗ). Наиболее полно этот принцип находит воплощение при голосовании в помещении для голосования. Избиратели открыто приходят на избирательные участки, получают избирательные бюллетени при предъявлении документа, удостоверяющего личность, и осуществляют волеизъявление. Члены избирательной комиссии, наблюдатели имеют возможность следить за тем, указан ли избиратель в списке избирателей, предъявил ли паспорт для получения бюллетеня, сколько бюллетеней он получил, не оказывается ли на него давление третьими лицами на данном избирательном участке. Процедурой ДЭГ многие эти элементы скрыты от непосредственного наблюдения и опосредованы компьютерными технологиями. Например, в уполномоченных избирательных комиссиях, организующих ДЭГ, наблюдатели в лучшем случае смогут увидеть только материальные носители и сотрудников, обеспечивающих сопровождение ДЭГ, а также некоторые сведения, отображающиеся на экранах мониторов.

Анализируя реализацию конституционных принципов при организа-

³⁴ См. определение КС РФ от 24 июня 2014 г. № 1143-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы М. Б. Харченко на нарушение ее конституционных прав положениями п. 6 и 7 ст. 37 и п. 4 и 5 ст. 40 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации».

ции ДЭГ, многие авторы видят необходимость в изменении базовых правовых основ голосования, в том числе регулируемых Основным законом. Так, Я. В. Антонов считает, что введение индивидуальной идентификации избирателя в сети Интернет могло бы решить проблему безопасности. Участие в выборах не может быть анонимным, поскольку в демократических процессах люди не должны иметь страх выражать свое мнение³⁵. Отметим, что ДЭГ в России осуществляется с использованием портала «Госуслуги» и личного кабинета избирателя. Идентификация избирателя при ДЭГ присутствует. Однако встает вопрос о достаточности таких мер защиты. Принцип идентификации может стать дополнительным основополагающим принципом системы ДЭГ. Сущность принципа идентификации при ДЭГ составляют гарантии выражения волеизъявления на выборах именно избирателем, а не третьим лицом, которое получило необоснованно доступ к личным данным избирателя.

Дискуссионна позиция Е. И. Колошина о предоставлении избирателям прав на анонимизацию (право быть забытым). Содержанием права быть забытым является возможность человека запретить третьим лицам использовать его персональные данные вплоть до возможности потребовать их удаления³⁶. В рамках данного тезиса можно говорить о соотношении законодательства о выборах и законодательства об обработке персональных данных. Действительно, положения о защите персональных данных предусматривают право лица давать согласие на обработку персональных данных. Право человека давать согласие на обработку определенного перечня персональ-

ных данных и определять объем их использования составляет один из основных принципов правил обработки персональных данных³⁷. Однако акт волеизъявления избирателя на выборах является официальным проявлением субъектности, что выражается в открытом участии в процедуре голосования и необходимости учета выбора избирателя. В связи с этим право быть забытым не может рассматриваться в качестве абсолютного и предусматривать удаление любых сведений об избирателе.

О публично-правовом характере избирательных прав неоднократно указывал Конституционный Суд РФ. Активное избирательное право и право быть избранным направлены на легитимацию органов и должностных лиц публичной власти путем непосредственного волеизъявления народа. К обязанностям же законодателя относится установление таких нормативно-правовых и организационных механизмов, которые бы обеспечивали эффективную реализацию гражданами избирательных прав. Оценивая субсидиарные способы голосования (голосование по доверенности, по почте, с использованием Интернета), Конституционный Суд приходит к выводу, что разумное увеличение доступных видов электоральных практик способствует увеличению гражданской активности и количества избирателей, принимающих участие в голосовании. Государство в таком случае должно обеспечить адекватное отображение волеизъявления избирателей и соблюдение принципов свободных выборов, что требует усиления юридических, организационных и иных гарантий³⁸.

³⁵ См.: Антонов Я. В. Электронная демократия и электронное голосование: конституционно-правовое измерение // Российский юридический журнал. 2016. № 5. С. 101—113.

³⁶ См.: Колошин Е. И. Указ. соч. С. 25—30.

³⁷ См. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных».

³⁸ См. постановление КС РФ от 15 апреля 2014 г. № 11-П по делу о проверке конституционности п. 1 ст. 65 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с

Заключение. Введение основных положений о ДЭГ в Федеральный закон № 67-ФЗ продолжает тренд на развитие правовой базы указанной формы голосования. Практический опыт применения ДЭГ в течение 2019—2021 гг. позволяет утверждать об успехах в данной области.

Однако дальнейшее развитие системы ДЭГ в целом возможно только в соответствии с основными принципами проведения выборов, определяемыми Конституцией РФ.

Кроме существующих принципов всеобщего, равного, прямого и тайного голосования Федеральный закон № 67-ФЗ должен быть дополнен принципом идентификации, а также положениями о праве избирательных комиссий вводить дополнительные способы подтверждения личности. При этом сфера подзаконного регулирования порядка ДЭГ избирательными комиссиями со временем должна быть ограничена в пользу законодательных норм, которые будут включать проверенные опытным путем обобщенные положения о процессе ДЭГ и обеспечивающие конституционные гарантии избирательных прав.

ДЭГ как процедура характеризуется применением большого количества электронных технологий и коммуникаций, начиная с этапа включения в список избирателей и заканчивая подсчетом голосов всех избирателей, проголосовавших ди-

---

запросом Законодательного Собрания Владимирской области.

станционно. Несмотря на то что многие процессы ДЭГ осуществляются в цифровой среде, единственным источником власти в соответствии со ст. 3 Конституции РФ является народ России, поэтому любое искажение волеизъявления народа через применение компьютерных технологий является недопустимым. Следовательно, требования к аппаратно-техническому комплексу ДЭГ, информационным системам должны приниматься с обязательным общественным обсуждением, чтобы нивелировать малейшие возможности ущемления избирательных прав и искажения результатов выборов. Максимальное раскрытие процессов функционирования ДЭГ, особенно его технической части, поможет преодолеть существующее недоверие к данной системе.

На сегодняшний день представляется дискуссионным существование двух информационных систем для проведения выборов (федеральной и региональной), что чревато, на наш взгляд, организационными сложностями и техническими сбоями. Устойчивое функционирование федеральной информационной системы для ДЭГ на протяжении нескольких лет сформировало бы необходимые условия для создания новых региональных информационных систем, если в них будет потребность. Опыт функционирования ГАС «Выборы» отражает успешность функционирования федеральной системы на всей территории России.

Список литературы

- Абрамова А. И. Подзаконное правотворчество в современном понимании: реалии и перспективы // Журнал российского права. 2019. № 8.
- Антонов Я. В. Правовые аспекты электронной демократии и электронного голосования // Управленческое консультирование. 2014. № 6.
- Антонов Я. В. Электронная демократия и электронное голосование: конституционно-правовое измерение // Российский юридический журнал. 2016. № 5.
- Борисов И. Б. Конец доцифровой эпохи политических процессов // Гражданин. Выборы. Власть. 2021. № 1.
- Борисов И. Б., Головин А. Г., Игнатов А. В. Выборы в мире: электронное голосование. М., 2020.
- Борисов И. Б., Игнатов А. В. Методические рекомендации по электронному голосованию и наблюдению за ним. М., 2020.

Васильева Л. Н., Григорьев А. В. Цифровизация общества и перспективы конституционного развития // Журнал российского права. 2020. № 10.

Головин А. Г., Головина А. А. Язык и стиль избирательного законодательства в современную информационную эпоху: горизонты развития // Гражданин. Выборы. Власть. 2019. № 3.

Гонтарь С. Г. Электронное голосование — новая возможность участия граждан в формировании органов власти // Государственная власть и местное самоуправление. 2019. № 4.

Григорьев А. В. Реализация конституционного права граждан на управление делами государства в условиях цифровизации // Журнал российского права. 2020. № 2.

Колюшин Е. И. Правовые проблемы дистанционного электронного голосования избирателей // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 2.

Курячая М. М. Электронное голосование как этап развития непосредственной демократии // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 11.

Лейба А. А. Правовое регулирование дистанционного электронного голосования в РФ // Гражданин и право. 2021. № 1.

Лопатин А. И. Цифровизация избирательных действий и процедур в России: вопросы права // Журнал российского права. 2022. № 5.

Овчинников А. И. Безопасность личности и государства в цифровую эпоху: политико-правовой аспект // Журнал российского права. 2020. № 6.

Павлушкин А. В., Постников А. Е. Правовой механизм дистанционного электронного голосования (анализ возможной модели) // Журнал российского права. 2009. № 11.

Постников А. Е. Конституционная модель политической системы России в условиях развития «цифрового общества» // Журнал российского права. 2020. № 7.

Постников А. Е. О пределах подзаконного регулирования избирательных прав граждан // Журнал российского права. 2022. № 5.

Реут Д. А. Информационное общество и право на власть // Гражданин. Выборы. Власть. 2019. № 2.

Рыбин А. В. Правовые средства защиты результатов волеизъявления избирателей в условиях пандемии // Журнал российского права. 2022. № 2.

Таева Н. Е. Институционализация норм конституционного права в динамике предмета правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 3.

Турищева Н. Ю. Активное избирательное право: развитие форм реализации // Журнал российского права. 2021. № 6.

Филатова А. О. Обеспечение реализации принципов гласности и открытости в условиях перехода на всеобщее электронное голосование // Образование и право. 2021. № 5.

References

Abramova A. I. By-law-making in the Modern Understanding: Realities and Prospects. *Journal of Russian Law*, 2019, no. 8, pp. 25—35. (In Russ.) DOI: 10.12737/jrl.2019.8.3.

Antonov Ya. V. E-democracy and e-voting: the constitutional and legal dimension. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal*, 2016, no. 5, pp. 44—58. (In Russ.)

Antonov Ya. V. Legal aspects of electronic democracy and electronic vote. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*, 2014, no. 6, pp. 136—144. (In Russ.)

Borisov I. B. The end of the pre-digital era of political processes. *Grazhdanin. Vyборы. Vlast'*, 2021, no. 1, pp. 124—139. (In Russ.)

Borisov I. B., Golovin A. G., Ignatov A. V. Elections in the world: Electronic voting. Moscow, 2020. (In Russ.)

Borisov I. B., Ignatov A. V. Guidelines for Electronic voting and Monitoring. Moscow, 2020.

Filatova A. O. Ensuring the implementation of the principles of transparency and openness in the transition to universal electronic voting. *Obrazovanie i pravo*, 2021, no. 5, pp. 44—58. (In Russ.)

Golovin A. G., Golovina A. A. Language and style of electoral legislation in the modern information age: horizons of development. *Grazhdanin. Vyборы. Vlast'*, 2019, no. 3, pp. 44—58. (In Russ.)

Gontar' S. G. Electronic voting as a new opportunity for civil participation in the establishment of government authorities. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie*, 2019, no. 4, pp. 29—33. (In Russ.)

Grigoriev A. V. The Implementation of the Right to Participate in State Management in the Digital Age. *Journal of Russian Law*, 2020, no. 2, pp. 45—57. (In Russ.) DOI: 10.12737/jrl.2020.016.

Kolyushin E. I. Legal Issues of Remote Electronic Voting. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, 2020, no. 2, pp. 25—30. (In Russ.)

Kuryachaya M. M. Electronic Voting as a Direct Democracy Development Stage. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, 2017, no. 11, pp. 31—35. (In Russ.)

Leyba A. A. Legal Regulation of Remote Electronic Voting in the Russian Federation. *Grazhdanin i pravo*, 2021, no. 1, pp. 16—25. (In Russ.)

Lopatin A. I. Digitalization of Electoral Actions and Procedures in Russia: Legal Issues. *Journal of Russian Law*, 2022, vol. 26, no. 5, pp. 43—55. (In Russ.) DOI: 10.12737/jrl.2022.051.

Ovchinnikov A. I. Individual and State Security in the Digital Age: Political and Legal Aspect. *Journal of Russian Law*, 2020, no. 6, pp. 5—21. (In Russ.) DOI: 10.12737/jrl.2020.064.

Pavlushkin A. V., Postnikov A. E. Legal Mechanism of Distance Electronic Voting (Feasible Model Analysis). *Journal of Russian Law*, 2009, no. 11 pp. 3—13. (In Russ.)

Postnikov A. E. Constitutional Model of the Russian Political System in the Context of the Development of “Digital Society”. *Journal of Russian Law*, 2020, no. 5, pp. 38—49. (In Russ.) DOI: 10.12737/jrl.2020.053.

Postnikov A. E. On the Limits of the Bylaw Regulation of Citizens’ Electoral Rights. *Journal of Russian Law*, 2022, vol. 26, no. 5, pp. 31—42. (In Russ.) DOI: 10.12737/jrl.2022.050.

Reut D. A. Information society and right for the power. *Grazhdanin. Vybory. Vlast'*, 2019, no. 2, pp. 18—27. (In Russ.)

Rybin A. V. Legal Means of Protecting the Results of the Expression of the Voters’ Will in a Pandemic. *Journal of Russian Law*, 2022, vol. 26, no. 2, pp. 152—166. (In Russ.) DOI: 10.12737/jrl.2022.023.

Taeva N. E. Institutionalization of Constitutional Norms in the Dynamics of the Subject Matter of the Legal Regulation. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*, 2020, no. 3, pp. 17—25. (In Russ.)

Turishsheva N. Yu. Active Suffrage: Expanding Forms of Implementation. *Journal of Russian Law*, 2021, vol. 25, no. 6, pp. 37—47. (In Russ.) DOI: 10.12737/jrl.2021.072.

Vasilieva L. N., Grigoriev A. V. Digitalization of Society and Prospects for Constitutional Development. *Journal of Russian Law*, 2020, no. 10, pp. 40—58. (In Russ.) DOI: 10.12737/jrl.2020.119.

Информация об авторах

А. А. Ларичев, заместитель декана факультета права НИУ ВШЭ по научной работе, профессор департамента публичного права НИУ ВШЭ, доктор юридических наук. ResearcherID: ABD-5426-2021

В. А. Ржановский, адвокат, член Адвокатской палаты г. Москвы. ResearcherID: GMW-8185-2022

